

Обезьяна громко засмеялся, встал и начал похаживать вокруг Братца Ваня, время от времени демонстрируя мышцы на своих руках. Его крупное телосложение резко контрастировало с худощавой фигурой Братца Ваня, создавая яркий визуальный контраст.

Братец Вань сразу же сник.

Су Ай с улыбкой наблюдал за их шумной возней, но его мысли незаметно улетели далеко. Как там поживает Цзялунь в Военной академии «Белая лошадь»? Кажется, уже давно не получал от него писем. Наверное, он очень занят. Этот парень, когда увлечен чем-то, забывает о себе. Не похудел ли он? Очень за него беспокоюсь.

В это время тот самый человек, о котором беспокоился Су Ай, стоял перед знаменитой камерой изоляции в отделе дисциплины Военной академии «Белая лошадь», жадно наслаждаясь солнечным светом, падающим с неба, и глубоко вдыхая долгожданный свежий воздух.

Между планетами Хуалю и Лань сотни световых лет, и разница во времени значительна. На Лань уже наступила ночь, а здесь только начинался рассвет, и теплый солнечный свет озарял каждый уголок.

— Ты можешь идти. Вот твои личные вещи, забирай, — холодный голос Хай Сюло разрушил тепло, которое дарили солнечные лучи, и Ань Цзялунь вздрогнул.

Личные вещи состояли из гаечного ключа, нескольких гаек и бутылки машинного масла. Мельком взглянув на них, чтобы убедиться, что ничего не пропало, Ань Цзялунь взял свои вещи.

— Спасибо, старший. Можно задать вам вопрос? — он посмотрел на Хай Сюло с серьезным выражением лица.

Хай Сюло холодно взглянул на него, не собираясь отвечать, но Ань Цзялунь продолжил:

— Старший, когда отдел дисциплины сажает кого-то в изоляцию, разрешены ли посещения?

Лицо Хай Сюло сразу же потемнело. Если бы взгляд мог жечь, Ань Цзялунь бы уже превратился в пепел.

— Особые... обстоятельства! — сквозь зубы выдавив эти слова, капитан с эмблемой скрещённых мечей резко развернулся и ушел.

Его чуть не разозлил до бешенства этот парень, только что вышедший из изоляции. Но что поделать, если тот, кто пришел навестить Ань Цзялуна, был человеком, которого Хай Сюло не мог ни отказать, ни обидеть. Более того, у того человека было специальное разрешение от председателя дисциплинарного комитета Янь Баньюэ.

Ань Цзялунь усмехнулся, подняв большой палец в сторону удаляющейся фигуры. Такую отговорку придумать — это действительно было испытанием для Хай Сюло, который, несмотря на внешнюю холодность, был честным и принципиальным человеком. Именно поэтому он и задал этот явно насмешливый вопрос. Если бы это были Бай Люгуан или Хун Хуан, он бы не стал тратить слов.

Это была маленькая месть за то, что его постоянно беспокоили во время изоляции. Если бы другие курсанты, которые тоже сидели в изоляции, узнали о его мыслях, они бы, наверное,

закидали его насмешками.

Изоляция была самым распространенным и эффективным методом, который использовал дисциплинарный комитет для тех курсантов, которые время от времени вступали в конфликт с академией и военной дисциплиной. Тесное помещение площадью менее десяти квадратных метров, без окон, без света, без электронного помощника, с отличной звукоизоляцией. Как только дверь закрывалась, оставались только тьма и тишина. Даже для молодых и энергичных курсантов, не говоря уже об обычных инструкторах, было трудно выдержать в таких условиях больше двух недель, не сойдя с ума. Для большинства курсантов пять дней были пределом. Только те, кто прошел специальную подготовку и закалил свою волю, как сталь, могли спокойно переносить это.

Ань Цзялунь, конечно, не проходил специальной подготовки. Его воля была крепче, чем у тофу, но далека от стальной твердости. Иначе при первой встрече с Бай Люгуаном он бы не дрожал от страха. Поэтому, когда он получил уведомление от академии о том, что его отправляют в изоляцию на две недели, он был в шоке.

Хотя, когда его спасли, Ло Кэминь в гневе сказал, что закроет его на две недели, но тогда он воспринял это как пустую угрозу. Обычно за проступки курсантов сажали максимум на семь дней. Он всего лишь действовал без приказа, но в конце концов Чан Мин был пойман. Разве это не засчитывалось как заслуга? Неужели нельзя было сократить срок?

— Это мое решение. У тебя есть возражения? — холодно спросил инструктор.

Ань Цзялунь почувствовал холодок по спине.

Нет, нет возражений. Две недели изоляции — это ерунда. С грустным лицом попрощавшись с соседом по комнате, он с поникшей головой направился в дисциплинарный комитет, где его обыскали, нашли гаечный ключ, несколько гаек и бутылку машинного масла, после чего заперли в камере.

Поскольку изоляции избежать было нельзя, он решил сделать все возможное, чтобы спокойно пережить эти две недели. Слышал, что некоторые курсанты, не выдержав изоляции, бились головой о стену, и многие после этого получали сотрясение мозга. Хотя это можно было вылечить в медицинском центре академии, Ань Цзялунь не хотел тратить деньги на лечение — дисциплинарный комитет не компенсировал такие расходы.

Поэтому, по пути в дисциплинарный комитет, чтобы защитить свой кошелек, Ань Цзялунь активно задействовал свой мозг и составил план на две недели. Основные пункты были такими: во-первых, повторить все, что он изучил за последние полгода, и систематизировать знания; во-вторых, тренировать армейский кулак; в-третьих, есть и спать.

Первый пункт полностью зависел от его феноменальной памяти. Конспекты за последние полгода были потеряны вместе с электронным планшетом, и вряд ли их можно было восстановить. Он был так занят, что у него не было времени на систематизацию, так что эти две недели были отличной возможностью все вспомнить и записать заново, а также повторить забытое.

Второй пункт был основан на принципе «бесплатное — значит, надо брать». Во время изоляции дисциплинарный комитет предоставлял еду, и, если он мог ее есть, она была в неограниченном количестве, да еще и вкусная синтетическая пища. Не использовать это правило по максимуму было бы преступлением для бывшего исследователя стратегического прогнозирования. Армейский кулак требовал много энергии, а еда эту энергию восполняла. Так что чем больше

он тренировался, тем больше ел, и все это было бесплатно, что позволяло сэкономить немало денег.

Конечно, между приемом пищи и усвоением питательных веществ нужно было спать, и это был третий пункт. Он не собирался терять ни секунды. Тренировки армейского кулака могли быть тяжелыми, но каждая капля пота превращалась в его силу. Так что для других изоляция была пыткой, а для Ань Цзялуня это была возможность стать сильнее, не потратив ни юаня.

Терять такую возможность было бы позором. С этой мыслью Ань Цзялунь начал свою жизнь в изоляции.

Первые пять дней прошли продуктивно. Хотя из-за темноты и тесноты он несколько раз ударился о стены во время тренировок, но, привыкнув к темноте, он стал делать это реже.

На шестой день план изменился из-за внешнего вмешательства, которого невозможно было избежать.

— Ань Цзялунь, выходи, к тебе пришли.

Посещение? В изоляции разрешены посещения? Ань Цзялунь, который как раз тренировал армейский кулак и был весь в поту, так удивился, что не смог сдержать силу и снова ударился о стену, издав громкий звук. Сотрудник дисциплинарного комитета, который пришел за ним, подумал, что он сошел с ума за эти пять дней, ведь даже те, кто бились головой о стену, не делали это с такой силой.

Если посещения будут происходить каждые несколько дней, то какой смысл в изоляции? Ань Цзялунь, озадаченный, вышел с синяками на лице.

— Ого, всего несколько дней не виделись, а ты уже превратился в свинью!

Голос был знакомым.

<http://bllate.org/book/16692/1532699>